

К национальным гениям И.А. Ильин обращается не как к «архиву», «академизму», «прошлому» (В.В. Розанов, например, так писал о Пушкине: «отсутствие практической нужности есть главная причина удаленности его от нас», о Гоголе – “Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидел в ней. Вовсе не отразил он действительности в своих произведениях»).

В трагическое и судьбоносное для Родины время, в 1942 – 1944 годы Иван Ильин читает в Швейцарии свои лекции о русских гениях, каждый из которых был голосом России, судьбы ее народа, необыкновенно поучительной, полной великих свершений, великих противоречий и глубокого драматизма. В духовном огне гениев он укреплял свой мощный дух, сильную волю, черпал глубокую веру в государственное и духовное возрождение России.

Именно в этом – актуальность и востребованность пророческого слова Ивана Ильина.

Казалось бы, за последние полвека наши утраты невосполнимы: уничтожены величественные ценности; глубоко равнодушные или открыто враждебные русской культуре люди пытаются мазать историю России черной краской, опошлять творчество ее гениев. Об этом с глубокой тревогой написал гениальный Г.В. Свиридов в книге «Музыка как судьба»: «Теперь хотят вовсе стереть с лица земли нас, как самостоятельный, мыслящий народ, обратить нас в рабов» [3, с.502, 511].

Литература

1. Ильин И.А. Гении России. Собр. соч. в 10 т.т. Т. 6, кн. 3. М.: Русская книга, 1997.
2. Ильин И.А. О России и русской душе. Собр. соч. в 10 т. Т.6, кн. 3. М.: Русская книга, 1997.
3. Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002.

А. С. ПУШКИН – ГАРМОНИЧНО ПОЮЩИЙ КЛАССИК РОССИИ

Оларин С. А.

Тот, кто интересуется сущностью и своеобразием русской культуры, должен непременно прочувствовать и проникнуться образом Александра Пушкина, его предназначением, его дарованием, делом его жизни.

Пушкин принадлежит к одареннейшим личностям мировой истории, к проводникам новой русской культуры.

По расе своей и природе русский человек обладает богатырским и страстным темпераментом. Его главным духовным органом является созерцающее сердце — сердце и созерцание во всех делах и во всех областях жизни; история научила его стойкости и терпению, христианство даровало ему живую совесть и веру в вольную, бессмертную душу. Задачей же его оставались форма, характер и преображение — рожденные сердцем, захватывающие его пылкий темперамент и, подобно свободно льющейся мелодии, пронизывающие всю его жизнь.

Тот, кто хочет поучать русский народ и направлять его, утешить или формообразующе оплодотворить его, сам должен быть плодом этой душевной субстанции, сам должен так жить, так любить, так страдать и так бороться — и, так живя, любя, страдая и борясь, найти верный, созидательный и спасительный путь.

Здесь возникает и находит свое выражение чудесная связь между гениальным человеком и его народом.

Пушкин — один из многих: кровь от крови народа и пламя от пламени народа; но проблематику своего народа он несет в себе, в предельно интенсивной и сконцентрированной форме.

Он несет эту проблематику как свою собственную и разрешает ее как сугубо личную; он поднимает его ношу и находит путь, прежде всего для себя самого, и в то же время, для всего народа. Из деяний его рук льется струя облегчения, жизни, свежести, наставления для всех грядущих поколений.

Значение Пушкина для русской культуры — в прошлом и будущем — можно было бы выразить так: кто не видит Пушкина в его даровании и в его творениях, тому надо бы посоветовать, вообще не судить о России; а тот, кто понимает дарование и творчество Пушкина, но отрицает их, тот отрицает самое восхитительное, самое совершенное, самое богатое обетование, заложенное в русской душе и русской культуре.

Пушкин был человеком нового мира. Но новый мир — это мир декадентский, то есть расшатавшийся, распавшийся мир.

Старая, колея уже не устраивала нового человека, не удовлетворяла и не мобилизовывала его. Новый человек пробудился к самостоятельности; это уже сомневающийся, проверяющий,

рационалистически настроенный человек, который хочет сам узнавать, сам созерцать, сам думать и сам решать — без этого он уже не знает покоя.

Свобода, о которой мечтали столетиями, пришла, но неясно, что с нею делать: возможностей слишком много; а единственная, верно необходимая еще не найдена.

Новый человек — человек проблематичный; человек на вечном сквозняке — между небом и преисподней; обреченный на поиски самого себя. Ему ничто не дано, ничто не запрещено; он — человек отваги, удали и риска: и каждый миг перед ним — окольный путь уничтожения, нигилизма.

Закон его бытия — духовное одиночество и автономность. В этом плане он принадлежит к эпохе Ренессанса, к гуманистам, к людям времен Реформации.

Его путь — свободное, самозабвенное, художественное созерцание сердцем. Из-за этого и вследствие этого он был истинно русским и насквозь русским. Собственный опыт, собственная точка зрения были для него всё.

Он не был застрахован от юношески бурных прегрешений. Но у него было, во-первых, страстное, всегда горячее или, скорее, пламенное сердце, преисполненное благородной доброты и подкупающей искренности; к тому же он обладал гениальным искусством прозревать сущность вещей — без аналитических подробностей, без диалектического педантизма и теоретических выкладок: он лишь бросал взгляд и точно, быстро схватывал самое главное — божественную сущность всего.

Вот как описывает это его свойство его современник и друг, сам великий художник, Гоголь: «Пушкин видел каждый высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма — с Богом»; у Пушкина «была одна лишь забота: сказать людям — посмотрите, как прекрасно творение Бога»; он владел, как, может быть, никто другой, «теми густыми и крепкими струнами славянской природы, от которых проходит тайный ужас и содрогание по всему составу человека»; ибо лиризм этих струн возносился именно к Богу; ибо это была уникальная способность высекать из всего огненные «искры, которые разлетаются в разные стороны и которые присутствуют в каждом творении и в каждом создании Божьем».

О таких людях хочется сказать: предоставьте цветку полную свободу — и он раскроется во всем своем великолепии; не мешайте петь соловью, и он своей песней поведаст миру последние тайны природы.

Он отринул все прежние пути и колеи, чтобы найти свой собственный верный путь и указать его другим.

Это был духовно-предметный и в то же время религиозно-традиционный, национально-созидательный, спасительный путь.

Пушкин оставил старую и обветшалую традицию для того, чтобы открыть свободную глубину и свободную высоту.

Эта свободная глубина привела его к православному христианству, к изначальным основам и истокам русского национального духа, к подлинной сущности божественных содержаний на земле; а свободная высота породила его самого и его народ с тем прекрасным и вечным, что создали другие народы.

Его величие состоит в том, что как поэт он облакал выношенные им, всегда глубоко-сущностные содержания в художественно совершенную форму.

Глубоким и правдивым было не только высказанное что; но и высказываемое как; оно соответствовало содержанию, рождалось из содержания и литературно — поэтически было совершенно.

У этого совершенства множество сторон и оснований: во-первых, ткань слова соответствует поэтическому Содержанию — каждое стихотворение таково, будто оно родилось непосредственно из содержания, будто это песнь самого воспеваемого предмета; во-вторых, эта словесная ткань исключительно легка и гармонична в поэтическом отношении, будто эти прекрасные, в своей красоте поющие и живущие строки дремали где-то в поднебесье и ждали лишь, чтобы их нашли, окликнули и пробудили.

Если божественное шествует легкою стопой, то эти стихи — божественны.

В этом особенность Пушкина: все настолько просто и легко, как если бы существовало так отроду; все ясно и светло, словно пронизано солнечным лучом; все полновесно и содержательно, как в скульптурах Микеланджело; во всем сплав божественного покоя и жара человеческой, но божественно очищенной страсти.

То, что дает Пушкин, взять может каждый: все естественно, не вычурно, не напыщенно — все приходит, как дуновение, дается, как аромат, и увлекает, как песнь.

Пушкин, был призван довести до конца освобождение от церковнославянского языка, он нашел точную меру, верный критерий, чтобы от многого отказаться, но и многое сохранить.

Он был и остается великим мастером создания языка; но не в плане измышлений, игры с искусственной словесной паутиной, а в плане красоты и точности образа.

Каждый великий мастер слова сначала созерцает это таинственное содержание духа, а затем стремится выразить его в совершенной форме.

Это особенно относится к стихотворцам, поэтам, мыслителям, философам.

Александр Пушкин был одним из тех гениальных созерцателей, которые не только стремились к тому, но и знали, что они призваны к тому, что они хотят того и должны.

Пушкин не был рационально конструирующим философом. Но своим художественным и духовным опытом, своим созерцанием, образованием и словесным мастерством он метафизически укоренен.

Каждое, или почти каждое сочинение его — это добротная композиция, отмеченная тончайшим вкусом и совершенством отделки.

Пушкин — драгоценнейший цветок русского духа, ниспосланный русскому народу в эпоху, исторически определившую его судьбу.

Он появился на свет в тяжелое, полное драматизма переходное время. Это выходец из хорошего, имеющего заслуги перед Отечеством дворянского рода (но не из высшей аристократии); и вот он перед нами — созидающий цвет русской интеллигенции того времени, которая еще не до конца протрезвилась от своего дворянского бунтарства, но уже подготавливает силы и общественное мнение для предстоящего освобождения крестьян, обретения национального единства.

Россия завершает объединение своих земель и стоит на пороге духовного расцвета XIX века — в литературе, музыке, скульптуре, науке и театре.

Социальной, экономической и политической свободы пока нет, национальное самосознание еще в становлении, национальный язык еще не обрел своей мощи и великолепия и не развернулся в полную меру; академически образованная русская интеллигенция еще не представляет собой костяк.

Держась за крепостное право, дворянство мечтает уже о революции; намеревается ограничить власть царя конституцией, но своей истинной задачи не видит. А истинной задачей было — научить крестьянина уважению к своей службе, к своему христианству, к своим национальным истокам, своему человеческому достоинству и вместе с царем, а не против царя, подготовиться к отмене крепостного права и к воспитанию народа в национальном духе.

И вот в это время русскому народу и русской интеллигенции явился гениальный поэт и мыслитель — Александр Пушкин.

Обладая несравненным поэтическим даром, он обладал одновременно поразительным, склонным к созерцательности, живым и ясным умом, о котором Гоголь однажды сказал: «Если сам Пушкин думал так, то уж это, верно, сушая истина...».

Исторической задачей Пушкина было только одно: воплотить в зримый образ русскую душу во всей ее страстности, во всей ее широте и сердечной глубине, облечь ее в прекрасную, творческую форму. А заодно — пророчески разрешить морфологическую проблему «Россия».

Пушкин был сама страсть — страсть России, ее-то он и должен был сориентировать свободно на Божественную тропу.

Свободное созерцание глубины вещей все ближе подвигает Пушкина к божественному, все сильнее — к Богу; и скоро он с головой погружается в Евангелие, начинает молиться, и почти каждое его стихотворение подобно произвольному благоговению, молитвенному воспарению к Богу.

Вольное сердце обретает себя во Христе; гениальное созерцание указывает путь; истинный поэт — это истинно молящийся, это национальный пророк.

Путь поэта вел его от безверия — к вере и молитве; от бунтарского протеста — к свободной лояльности и осмысленному утверждению государства; от мечтательной жажды свободы — к органичному консерватизму; от юношески страстной эротике — к истинно религиозной культуре семейного очага.

Всю свою жизнь он неустанно учился — читал, изучал, созерцал. Он любил свой народ и свое Отечество — всем сердцем, пылко, органично. Общение с крестьянами, с мало знакомым или случайным попутчиком было для него постоянной потребностью. Он собирал народные сказки, ценил их чрезвычайно. Собирал и народные песни. Всякое национальное меньшинство великой империи — от цыган до евреев — было для него интересным и милым.

Наряду с этим он изучал историю — по первоисточникам и из первоисточников. Его жизнь была, по сути, созерцанием, он без усталости вглядывался в сущность, своеобразие и судьбу своего народа. Ему предстояла огромная работа, которую еще надо было проделать в России на поприще культуры и цивилизации. И именно он был избран судьбой, чтобы дать главное направление новой русской культуре, сказав об этом просто и ясно: «где нет любви, там нет и истины».

Сердце — это власть непосредственных ощущений, а потому оно должно оставаться свободным — свободным в любви, желаниях и поступках человека — это есть священнейшая и изначальнейшая свобода Богосозерцания; ведь сердце становится созерцательным и думающим сердцем и тем самым — главным истоком культуры.

Пушкин рано, потрясающе рано ушел из жизни. Но и зрелость духа пришла к нему удивительно рано. И чем старше он становился, тем тверже была его приверженность свободе, Божественным жизненным содержаниям, прекрасной форме — трем, в принципе исчерпывающим, человеческим ценностям.

Мощной власти эха — вот чему уподобляется поэт. Поэт и эхо — оба откликаются на любой зов богоданного творения — но сами остаются без ответа. Всему внимлет поэт — любому вздоху, любой мелодии, обвалу лавины и плеску волны. Но сам он одинок — и повсюду ищет Божественное. Эти поиски Божественного принимают в жизни Пушкина три различные формы:

во-первых — жадное всепоглощающее созерцание и в сфере природы, и в области культуры;

во-вторых — личное служение творчеству, где истинное вдохновение идет рука об руку с требовательностью к самому себе, со строжайшим чувством ответственности;

в-третьих — необычное стремление очутиться на краю жизни, заглянуть в глаза смерти и вечности.

I. Что касается первого — всепоглощающего созерцания Божественной сущности жизненных содержаний, — то оно, что случается крайне редко, было духовным голодом — и только, и начисто лишенной зависти сестрою творчества.

II. Что касается второго пути, то едва ли какого другого поэта в мире так наполняло и одухотворяло стремление к совершенству, как Пушкина, — только по одному этому факту можно было бы судить о его влиянии на русскую культуру.

Он писал легко; слишком часто стихи его являлись как бы сами собой; он знал, что значит сочинять экспромтом.

А вдохновение являлось ему в таком высоком и мощном духе, что он, потрясенный и увлеченный до глубины души, не сомневался в его Божественном происхождении.

Его художественным актом была молитва; его молитвой была поэзия; а поэзия его была на грани подлинного совершенства.

III. Что касается третьего пути, то у Пушкина на протяжении всей его жизни была одна потребность — подойти к самому краю личностной жизни; встать там пред Ликом Господним; спокойно переступить эту жуткую грань и заглянуть в тот мир.

Дуэль ли, битва ль, в которых отменное самообладание поэта неизменно вызывало восхищение, — это было не просто испытанием мужества; это было тоской по вечности. И не мистической мечтательностью это было, а желанием окончательной духовной свободы, духовной цельности.

В своей маленькой трагедии «Пир во время чумы» председатель этого жуткого уличного пира поет песню, в которой славит близость смерти:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —

Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог...

Чем глубже проникаешься творениями Пушкина, тем лучше понимаешь, что только так и не иначе оно и было; его духовный опыт, поэтическое созерцание и вдохновенность давали ему такое ощущение удивительной реальности Божественной ткани мира, что возврат в банальную повседневность с болью воспринимался им, воспринимался как исчезновение, воспринимался как обнищание, ведь, кажется, он ухватился за вечность, а нет: она вновь ускользает, и он снова погружается в тоску.

Смерть, должно быть, представлялась ему свободой, спасением, возвращением в себя, свиданием — блаженным пределом, приближением счастья, воспарением сбросившего оковы орла.

Но смертному не под силу столь долго выдерживать и это вдохновение, и это созерцание чистой вечности: ему должно вернуться назад, в свою смертную оболочку, в будни забот и нужды.

Пушкин вернулся в себя — экспансивное дитя и страстный человек, но голод по интенсивной жизни так и не отпустил его: целый поток искрящегося юмора, забавнейших проделок, шуток и озорства так и лился из него; постоянно влюбленный — то есть постоянно счастливый несчастливец, — всегда щедрый, знающий толк в вине и в азартных играх, он, перемежая все это небольшими поэтическими импровизациями, неся по жизни, как неподвластная законам комета, которая однажды пророчески появляется и тут же таинственно исчезает, повергая людей в изумление, послав им правдивую весть о другом мире.

ОБРАЗ РУССКОГО КОМПОЗИТОРА В РАБОТАХ И.А. ИЛЬИНА

Букина О.К.

Современная социокультурная ситуация представляет возможность исследовать и переосмыслить множество разнообразных культурных и художественных феноменов. Часть из них и ранее была знакома, исследована и востребована. Другая часть могла быть неизвестна широкой публике, являясь лишь в оценке узких специалистов. Сегодня наследие, уже ставшее классикой, тщательно рассматривается вновь, открываются неизвестные ранее грани